

© 2013 г. *Ф.М. Мустафаев*

УДК 141

**МИКРОСТРУКТУРА МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ
В ПРОСТРАНСТВЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ, СОЦИАЛЬНЫХ
И МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

В социально-философском познании межличностное общение всегда производно от общественных и социальных отношений. Оно представляет собой являющуюся стороной общественных отношений, общественную форму социальных отношений и индивидуальную форму межличностных отношений. Это означает, что в самом процессе общения можно выделить три уровня: субъект-субъектный, межличностный и межиндивидуальный. Это логическое выделение уровней общения, в реальном же в общении они слиты друг с другом органически. Если же сопоставить общение с указанными отношениями с точки зрения проявления человека как рода как субъекта деятельности, как личности в обществе и ее индивидуальности, то можно сказать, что общественные отношения в межличностном общении субъективируются, социальные – персонифицируются, а межличностные – индивидуализируются.

Общественные, социальные, межличностные отношения образуют не простую совокупность, а определенную сложную социально-философскую и социально-психологическую целостность. Общение каждый раз выступает конкретным способом воспроизведения как этих отношений, так и производства самого человека как субъекта, личности и индивидуальности. В этом смысле в понятие «межличностное общение» должны быть включены не только общественные, социальные и межличностные отношения, но и все проявления человека.

Общение во многом определяет качества человека как субъекта, личности, индивидуальности, их положительное и отрицательное измерение, выявляющее вклад каждого в общественно-исторический процесс. Субъект соответственно имеет личностно-индивидуальную форму проявления, которая связана с принадлежностью индивида к той или иной социальной общности и с индивидуально-неповторимым способом существования в ней. Межлич-

ностные отношения в социальной философии и психологии определяются как непосредственные связи и отношения, которые складываются в реальной жизни между живыми, мыслящими, чувствующими индивидами. Это эмпирические отношения действительных людей в их действительном общении.

С точки зрения социально-философского осмысления, межличностные отношения в соотнесенности с общественными отношениями как объективными условиями жизни индивидов фактически есть субъективный фактор, выражающийся в самостоятельных действиях конкретных личностей. Общественные и социальные отношения имеют надличностный характер, а межличностные отношения, напротив, – личностно-индивидуальный, в котором на первый план выдвигается человеческая субъективность, проявляющаяся в социально-личностной и индивидуальной форме. Для того чтобы еще более конкретно соотнести общественные, социальные и межличностные отношения друг с другом и каждый вид отношений с общением необходимо их рассматривать в конкретной и органической связи с такими коренными понятиями социальной философии, как «человек», «индивид», «субъект», «личность», «объект», «связи», «отношения» и т.д.

Для полноценного социально-философского раскрытия сущности межличностного общения живых действующих людей, где воспроизводится весь ансамбль общественных отношений следует обращаться к примерам из художественных произведений, поскольку в реальной жизни каждый конкретный акт общения неповторимых, уникальных личностей подобен художественному образу, который обладает качествами многозначности, метафоричности, ассоциативности. Поэтому описание общения людей друг с другом так трудно поддается понятийному анализу. Художественная литература, обладая функцией познания жизни, хорошо раскрывает процесс общения и те метаморфозы, которые при этом происходят как с человеком, так и с общественными, социальными и межличностными отношениями. Это показывает, как теоретическое познание смыкается с художественным, как происходит переход от социологического уровня познания общественных явлений к гуманитарному. Гуманитарный уровень общественного знания позволяет при помощи образного мышления более полно описать чувственно наблюдаемый процесс общения людей друг с другом. В нем проявляются не только родовые характеристики человека, но и качества, связанные с принадлежностью к

определенным социально-профессионально-национально-семейным общностям. Проявляются также и его индивидуально-неповторимые черты, говорящие о том, что человек есть творец самого себя и это творчество связано не только с трудом, общественными и социальными отношениями, но и с непосредственным, живым межличностным общением [1, с. 282].

Субъект-субъектное общение является первым завоеванием культуры общения, в процессе которого формируются и развиваются качества человеческой субъективности – осознание своего «Я», умение пользоваться языком и другими знаковыми системами как средствами общения, способность к общению с другими индивидами и т.д. Для любой общности субъект-субъектное общение выступает главным систематизирующим свойством. Сущность субъект-субъектного общения как феномена культуры состоит в том, что оно в первую очередь представляет собой симметрическую связь людей, которые друг друга называют партнерами-коллегами и поэтому оказываются в равной мере субъективными.

Субъект-субъектное общение есть процесс разрешения противоречий между индивидом и родом, объектами и субъектами. В процессе субъект-субъектного общения в рамках трудового коллектива разрешаются противоречия между индивидуальным и коллективным субъектом социального действия. Коллективный субъект социального действия способствует проявлению всех качеств человеческой субъективности и ее активизации. Изучение и знание механизма субъект-субъектного общения в трудовом коллективе поможет в развитии человеческой субъективности, в овладении субъектом культурой общества.

В обществе и в трудовом коллективе субъект-субъектное общение должно носить организованный, целостный и социально образованный характер. В этом смысле организованное субъект-субъектное общение есть естественные технологические и управленческие связи людей, являющиеся результатом субъект-субъектного общения. Организационные (организованные) субъект-субъектные связи и отношения людей самым непосредственным образом связаны с человеческим фактором. Как специфический вид общественных отношений, они активизируются в бесконечно многообразных формах субъект-субъектного общения, и только через эти формы общения человеческий фактор как субъективный фактор и проявляет себя.

Рассмотрим некоторые элементы микроструктуры межличностного общения. О человеке, который в чем-нибудь хорошо разбирается, говорят, что он

знает это «до мелочей». А стоит ли обращать внимание в процессе общения на все мелочи и тем более делать их предметом «проблемной ситуации»? Может быть значительно важнее содержание или социальный статус общающихся, то есть суть дела? Информация о партнере по общению, его намерениях и значимых для дела характеристиках исходит из непосредственно наблюдаемого коммуникативного поведения, в которое входят, наряду с мимикой, пантомимикой и голосовыми характеристиками, общий темпоритмический и пространственный рисунок общения.

Проблемы общения людей с позиций «микроструктурного» подхода, исследование их до «мелочей» представляют непреходящий интерес. То есть речь идет о внутреннем устройстве конкретного конструктивного поведения, его «микроструктурном, аналитическом» анализе. Изучение коммуникативного содержания движений человеческого тела (кинесика) говорит о том, что всякое выстраивание данных по типу словарей, приписывающих жестам или позам твердые значения в принципе ошибочно даже в рамках одной культуры, не говоря уже о более широких обобщениях. Однако «мелочи» поведения не случайны, они имеют определенный смысл. Каждый малый фрагмент человеческого коммуникативного поведения представляет собой не четкую карточку-знак, которую как бы показываем мы партнеру по общению, а, скорее точку пересечения самых разных «смысловых линий». Представлять себе общение как линейную последовательность простых символических действий было бы значительно удобнее: многие пособия и исследования данной проблемы исходят именно из этой удобной модели. Но этого недостаточно.

Начнем с самого простого и очевидного: поведение человека в целом соответствует определенной этикетной (культурной) норме, в соответствии с которой появление в «чужом» пространстве должно сопровождаться определенными предупреждающими знаками. Эти нормы, разумеется, имеют определенное психологическое содержание. То есть путем многовекового совместного опыта у людей вырабатывается особый порядок или привычка, в силу которой обращение всегда сопровождается или предваряется социальным, преднамеренным засвидетельствованием или обнаружением добрых чувств. Такое засвидетельствование составляет акт взаимной вежливости или предупредительности в форме поклона, приветствия, комплимента, чуткости, тактичности, внимательности и т.д.

Нормы, обычаи, этикет усваиваются разными путями, чаще всего достаточно рано, и воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, но только до тех пор, пока ситуация общения сохраняет определенность или пока в ней не столкнулись различные «этикетные коды». Только тогда становится ясно, насколько хрупки и вовсе не общеприняты правила, казавшиеся естественными и прочными, насколько условности именно условны. Сознательное внимание на это обращают обычно лишь те, кто по роду занятий должен дифференцировано ориентироваться в «чужих» культурных поведенческих кодах – этнографы, режиссеры, профессиональные разведчики и т. д. Недооценка различий в культурно-эстетических нормах коммуникативного поведения приводит к типичным недоразумениям, хотя и следует заметить, что просто знание несловесных языков других культур дается не так легко, как умение, например, говорить на том или ином языке.

В этой ситуации присутствует еще один поучительный момент: «суть» недоразумения заключается в том, что расхождение в несознательных (автоматизированных) нормах и следование им общающимися интерпретируется как проявление отношения субъекта к самой ситуации. Помимо общего, как бы заготовленного заранее отношения, есть еще важнейшая сфера ситуативных, мгновенных реакций на партнера и его поведение. Можно с уверенностью сказать, что так называемые «мелкие штрихи» несловесного общения, служащие для выражения отношения к партнеру, ситуаций по отношению к самому себе, а также поддержанию контакта, сиюминутному реагированию и т.д. обычно недооцениваются на уровне сознательных суждений, а на самом деле они играют значительно большую роль.

Важнейший слой коммуникативного поведения составляет общение человека с самим собой. Между тем аутокоммуникативное поведение субъекта общения весьма разнообразно и интересно: часто именно оно отражает сложные душевные процессы; оно постоянно присутствует во внешнем общении. Аутокоммуникативное поведение может разыграть сложные и порой драматические отношения между разными «инстанциями» одной личности: когда мы пытаемся стимулировать себя, упорядочить, сдержать и т.д. Не случайно существует выражение «взять себя в руки».

Другой важной особенностью «поведения для себя» является возможность отреагировать (разрядить) в нем то, что сейчас не может быть выраже-

но вовне по тем или иным причинам: короткий, резкий выдох в момент раздражения, сжимающиеся почти в кулак пальцы, подобранный напряженный живот в момент не физической, а чисто психологической опасности – все это не признаки слабости и невладения собой, а очень нужные для физического и психологического здоровья «клапаны» реагирования.

Ошибкой было бы думать, что в аутокоммуникативном поведении разыгрываются отношения только между непосредственной, импульсивной внутренней жизнью и «правильными» контролирующими влияниями. Смутные догадки о важном, интуитивно верные решения, разнообразие и импровизация в общении – вот лишь несколько позитивных «выходов на поверхность» аутокоммуникативного слоя. Слова Э. Золя «Кто сказал, что думают одним мозгом...! – Всем телом думаешь» – являются подтверждением тому. «Думанье телом», конечно, не тождественно собственно аутокоммуникации, но, как и всякое другое думанье время от времени требует участия внутреннего диалога – в данном случае также несловесного. А это, в свою очередь, возможно только тогда, когда человек готов почувствовать и принять смутные, противоречивые, иногда пугающие образы себя самого, своих желаний, не совершившихся действий, забытых или еще не полностью родившихся состояний.

Еще одно важное свойство несловесного коммуникативного поведения – его способность к своеобразному, отличному от словесного, общению. Строго говоря, даже самые обычные, бытовые жесты являются довольно глубокими символами: жест, запрещающий как бы что-то, перечеркивает или выстраивает преграду; разводя руками в недоумении, мы их оставляем без внятной напряженности – они как бы «не знают», что тут можно сделать, и т.д. В целом все несловесное общение построено как своеобразная языковая система со своим словарем, грамматикой и всем, чему положено быть у языка, но все же этот язык (скорее, система знаков) – нечто качественно иное. Он менее определен и четок, чем любой из «настоящих» языков, больше зависит от контекста, но ему доступна такая многозначность и объемность, какие бывают у слов, пожалуй, только в художественных текстах. Особенно интересно в этом плане наблюдать и анализировать не простые жесты-знаки вроде приветствия, а ту сложную и запутанную психофизическую жизнь, которая ни на минуту не затихает и составляет основной объем коммуникативного поведения.

У несловесного коммуникативного поведения есть еще такое важнейшее свойство, как взаимодействие со словесным общением. Последнее может быть подчеркнуто, усилено, украшено, нюансировано, поставлено под вопрос и даже напрочь уничтожено тем, какое несловесное сопровождение, «аранжировку» оно получило. Несловесные составляющие общения находятся с содержанием речевого общения не столько в конфликтных, сколько во взаимодополняющих отношениях. Истинный смысл сказанного возникает из всего объема наблюдаемого и слышимого; жест или интонация не только окрашивают текст, но и могут придавать ему важные смысловые нюансы: «В звуке голоса, в глазах и во всем облике говорящего заключено не меньше красноречия, чем в выборе слов» (Ф. Ларошфуко).

К этому следует добавить, что при ближайшем рассмотрении экспрессивное поведение человека оказывается не просто «вторым голосом, а, пожалуй, целым «оркестром». Если «оркестр» звучит даже в микроситуации, где и общения-то еще почти нет, то во время взаимодействия «партитура» становится многократно сложнее и интереснее: в своем развернутом, полноценном виде человеческое коммуникативное поведение полифонично – это делает его бесконечно увлекательным для наблюдения и размышлений и бесконечно трудным для описания. Там, где «многоголосье» реального поведения разворачивается за несколько секунд, описание съедает несколько страниц. Несловесные составляющие общения, таким образом, обладают значительной информационной емкостью – другое дело, что эта информация обычно еще нуждается в осознании и интерпретации.

Гармония в «оркестре» и богатство «инструментовки» – вещь чрезвычайно индивидуальная. У кого-то одно и то же содержание может дублироваться одновременно несколькими способами, тогда поведение делается крайне внятным, артикулированным и как бы рассчитанным на не очень чуткого партнера. У другого человека, даже при известном богатстве выразительных возможностей, они диссонируют и делают его трудным и утомительным для восприятия.

Обе эти крайности – как полное совпадение, параллельность всех смыслов в словах и в экспрессии, так и полная их независимость – в жизни в чистом виде почти не встречаются. В одном случае поведение выглядит как бы плоским, лишенным своей нормальной неоднозначности; в другом – излиш-

не хаотичным, непредсказуемым, «расщепленным», что можно наблюдать при некоторых видах психической патологии. То есть живое коммуникативное поведение включает все крайние позиции, коль скоро они могут отвечать определенной ситуации, партнеру или внутреннему состоянию. Здесь отсутствуют вынужденность, «застре-ваемость», интуитивный выбор «оркестровки» осуществляется адекватно и свободно.

Мы постоянно убеждаемся в том, что любое изолированное проявление коммуникативного поведения «вытягивает» за собой целый спектр других, связанных между собой; голос и взгляд связаны с телом и пространством, «верх» – с «низом», манера двигаться – с манерой думать... Трудно даже найти у человека хоть что-нибудь, что существовало бы само по себе. Поэтому обычное, как бы ни на что не претендующее, как бы никуда не ведущее, чисто «анатомическое» описание может пролить свет и на достаточно глубокие свойства человеческой души. Нужно только запастись терпением и не торопиться со своими выводами и оценками, а подольше наблюдать, смотреть, слушать...

Таким образом, подводя итог проблеме микроструктуры межличностного общения, следует заметить: в видимом и слышимом поведении человека каналом передачи сообщения может быть что угодно. Существуют, например, специальные исследования коммуникативного смысла мелких и неосознанных прикосновений к собственным волосам и одежде, положениям бровей при разговоре, угла наклона корпуса сидящего слушателя, смешков и покашливания во время беседы и т.д. Таких микросоставляющих, говорящих «про свое», может быть выделено очень много: у каждой части тела, каждого паралингвистического параметра речи есть что-то вроде собственного языка, не говоря уже об их сочетаниях и взаимоотношениях. Интересно, что при временном исключении каких-либо каналов информационная нагрузка на оставшиеся каналы возрастает: при телефонном общении резко увеличивается чувствительность к голосовым характеристикам, в классической шкале пантомимы применяется так называемая «рабочая маска мима», полностью закрывающая лицо тканью и тем самым заставляющая тело быть более выразительным.

Многие важные вопросы, например, коммуникативные функции дыхания, искусство соблюдения дистанции между общающимися, связь голоса с позой

и движением, специфика телефонного общения, некоторые психологические аспекты интонационно-мелодического рисунка остались за пределами обсуждения, но можно с уверенностью утверждать одно: полноценный анализ всех составляющих элементов микроструктур межличностного общения и коммуникативного поведения – это настоящий золотой клад для работы по осознанию и оценке психологических особенностей и проблем теории межличностной коммуникации. Научиться общаться через «микроструктурный канал» не только возможно, но и жизненно необходимо для хорошей ориентировки в социальных и межличностных ситуациях.

Отсюда вытекает, что сама проблема микроструктуры межличностного общения не может быть исследована без полноценного социально-философского раскрытия теории человеческой субъективности. В литературе отмечается, что она есть продукт культуры общения, достигнутый в ходе исторического развития, и продукт самодеятельности индивидуального субъекта, который сам развивает свою субъективность. Человеческая субъективность – это, во-первых, психический духовный мир человека, который находит концентрированное выражение в самосознании своего «я», рождающегося в общении с другим «я». Во-вторых, это язык, речь и иные знаковые системы, возникающие из потребности в общении. В-третьих, это самореализация, самоутверждение человека в различных видах деятельности, где общение выступает необходимым условием. В-четвертых, это самоутверждение человека в другом человеке, т.е. в общении. Современная динамика человеческой субъективности все больше выражается в процессе индивидуализации, объективная основа которого – возрастающая подвижность социальной структуры, а также миграционные процессы, значительно дестабилизирующие и усложняющие психологические связи индивида с группами различного уровня. Не менее существенная ее основа – прогрессирующее вытеснение групповых источников информации надгрупповыми, массовыми. В результате происходит размывание традиционной модели группового человека, черпавшего свои мотивы и знания, нравственные нормы и мировоззренческие установки из относительно устойчивых групповых культур. Индивидуализация означает рост автономии индивида, что ставит его перед необходимостью самостоятельного выбора ценностей, ориентирующих его сознание и поведение [2, с. 40].

Итак, межличностное общение всегда производно от общественных и социальных отношений. В связи с чем в самом процессе общения можно выделить соответствующие уровни. Общественные и социальные отношения имеют надличностный характер, а межличностные – личностно-индивидуальный, в котором на первый план выдвигается человеческая субъективность. Субъект-субъектное общение выражает сущность той или иной общности, а его функциональные формы дают возможность каждому индивиду обособляться в этой общности и одновременно, приобретая качество субъективности, идентифицироваться с ней. Субъект-субъектное общение есть процесс разрешения противоречий между индивидом и родом, объектами и субъектами. Одной из значимых проблем общения является проблема микроструктуры межличностного общения, которая в свою очередь не может быть исследована без полноценного социально-философского раскрытия теории человеческой субъективности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. М., 2003.
2. *Дилигенский Г.Г.* В защиту человеческой индивидуальности // Вопросы философии. 1990. № 3.
3. *Каган М.С.* Мир общения: проблема межсубъектных отношений. М., 1989.
4. *Мустафаев М.Б., Мустафаева М.Г.* Введение в теорию межнационального общения: философско-антропологический аспект (опыт полифонического исследования). Махачкала, 2002.
5. *Мустафаев Ф.М.* Общее и особенное процесса общения: общение и коммуникация // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2013. № 1. с. 9-12.
6. *Солдатова Г.У.* Межэтническое общение: когнитивная структура этнического самосознания // Познание и общение. М., 1988.
7. *Казаринова Н.В., Погорьша В.М.* Межличностное общение: повседневные практики. СПб., 2000.

REFERENCES

1. *Rubinstein S.L.* Being and consciousness. The man and the world. Moscow, 2003.
2. *Diligensky G.G.* In defense of human individuality / / Questions of philosophy. 1990. No 3.
3. *Kagan M.S.* The world of communication: the problem of inter-subject relationship. Moscow, 1989.
4. *Mustafaev M.B., Mustafaeva M.G.* Introduction to the theory of international communication: philosophical-anthropological aspects (polyphonic experience research). Makhachkala, 2002.
5. *Mustafaev F.M.* General and special communication process: communication and communication / / Humanities and Social and Economic Sciences. 2013. № 1. p. 9-12.
6. *Soldatov H.W.* Interethnic communication: cognitive structure of ethnic identity / / Cognition and communication. Moscow, 1988.
7. *Kazarinova N.V., Pogolsha V.M.* Interpersonal communication: everyday practice. St. Petersburg., 2000.

*Дагестанский государственный педагогический
университет, г. Махачкала*

27 апреля 2013 г.